

НАЧАЛО ОЧЕНЬ ХОРОШЕГО ЛЕТНЕГО ДНЯ

**трагикомедия (это когда смотреть смешно, а потом страшно)
сценарное либретто четырёхсерийного фильма по мотивам произведений
Даниила Хармса
авторы сценария Александр Пономарев и Мартирос Фаносян**

**действие разворачивается в течении одного дня, который незаметно переходит
в белую ночь и конца ей не видно;
все герои фильма, по непонятным причинам, живут в одном очень странном
подъезде**

2007

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ГЛАВНЫЕ РОЛИ

ДАНЯ

НЕИЗВЕСТНАЯ НАТАША, она же горничная **НАТАША**

ПАКИН, чекист, он же монах, он же белогвардейский офицер

РАКУКИН, чекист, он же человек в окне, он же 2-й белогвардейский офицер

СТАРУХА

ПУШКОВ

ЖЕНА Пушкова, она же носатая баба,

КОНДУКТОРША, она же **АНГЕЛ СМЕРТИ**, она же **МИЛИЦИОНЕРША**

ИРИНА МАЗЕР, она же толстененькая мать

ЕЛИЗАВЕТА БАМ

ФЕДЯ ДАВИДОВИЧ (отец Елизаветы Бам)

МАТЬ Елизаветы Бам

НИКОЛАЙ 2-й, он же дворник, он же крестьянин Харитон, он же врач

МУЗЫКАНТЫ:

Скрипачка

Виолончелистка (возможно контрабасистка)

Трубач (глуховатый)

Пианист

1 СЕРИЯ

Раннее утро. Зима. Мягкий снег. Начало тридцатых годов 20-го века. Трамвайная остановка на Петроградской стороне. На ней стоят в ожидании двое. Тишина. Один из них - Пакин, хромой на левую ногу сказал: «Уж не знаю... Пожалуй не стоит и дожидаться.» Круглолицый, с оттопыренными ушами Ракукин повернулся к нему и сказал: «Нет, я думаю, еще может прийти». Из глубины туманной улицы показывается трамвай, на открытой площадке которого – четверо музыкантов: пианист, скрипач, трубач и виолончелистка с полненькими коленками в ажурных чулках. Играют марш. В течении фильма они будут играть и читать текст Даниила Хармса глуховатому трубачу. Транспарант. Белым по кумачу: «Культуру – в массы!» Трамвай не останавливается. Двое запрыгивают на ходу на платформу к музыкантам.

Комната в коммунальной квартире. То же раннее утро. За столом сидит главный герой Даня и пишет «Стихи неизвестной Наташе». Стук в дверь. Он не реагирует. Стук повторяется и нарастает до абсурда. Герой отворяет дверь. Никого. Только мокрые следы у двери и на ступенях вниз. Бросается вслед и бежит по следам на снегу двора. Следы обрываются. Даня смотрит вверх и видит, что на дереве распускаются листья, выглядывает солнце, растет трава и распускаются подснежники. На дворе стоит старуха и держит в руках стенные часы. Даня: «Который час?» «Посмотрите» - говорит старуха. «Тут нет стрелок» - говорит Даня. «Сейчас без четверти три» «Ах, так, большое спасибо» «Вы забыли дома выключить электрическую печку». Даня бросается обратно в странный подъезд. Старуха кричит ему что-то вслед. Птицы с криком разлетаются во дворе-колодце.

Квартира в том же доме. В коридоре коммуналки Даня проходит мимо открытой двери соседей. За столом сидят Пушков и его жена пьют водку и закусывают колбасой. У дверей стоит горничная Наташа и изображает стеснение. Стук в дверь. «Странно,- сказал Пушков,- кто бы там мог стучать в дверь?» Он выпил еще рюмочку и подошел к двери. «Кто там?» «Я,- сказал голос за дверью и вошла горничная Наташа вся смущенная и розовая, как цветок. Точно такая же, но голая, в одном переднике и наколке. Пушков сел. Жена выпила еще. Горничная и другая, как цветок зарделись от стыда. Пушков тоже выпил и открыл банку с раковым паштетом. Все обрадовались и стали жадно есть. Пушков с жирными губами запел.

Даня, услышав визгливый голос Пушкова за стеной, закрыл уши руками. Пытается вернуться к работе. Подходит к письменному столу и вдруг видит за оконным стеклом промелькнувшее лицо Ракукина. Даня в изумлении сел на стул.

Стукнуло окно в комнате Пушкиова. «В окно кто-то заглянул!», - закричала жена лошадиным басом. Все успокаивали ее и налили еще рюмочку. Пушкиов даже сбегал во двор и пытался, при своем невысоком росте дотянуться до окна третьего этажа их квартиры, из которого выглянула горничная Наташа. Дети во дворе неистова орут, кидаются песком и бегают как угорелые. Вернувшись назад, Пушкиов залпом выпил рюмочку, подошел к окну и распахнул его. «Вот,- сказал он и увидел в окне Ракукина в грязном воротничке с ножом в руках,- никого там нет». Однако Ракукин вошел в окно. Жена устроила истерику но, выпив рюмочку и закусив грибком, успокоилась. Ракукин тем временем на ходу откусил огурец и скрылся за дверь. Все сели к столу и продолжали пить. Пушкиов вертел в руках газету и не находил, где верх где низ. Выпил рюмочку и сказал: «Хорошо, но не хватает огурцов». Жена неприлично заржала, горничные сконфузились и стали рассматривать узор на скатерти. Пушкиов выпил еще, схватил жену и посадил ее на буфет затем подтянул свои штаны и начал тост. Тут открылся в полу люк и оттуда вылез монах. Горничные так переконфузились, что одну начало рвать. Монах прицелился и треснул кулаком в ухо Пушкиову, а, подойдя к жене, ударил ее как-то снизу. Жена принялась кричать. Монах схватил обеих горничных, помотал ими по воздуху и отпустил. Потом скрылся опять под пол. Выпив еще по рюмочке, все посидели мирно беседуя. Вдруг Пушкиов закричал: «Что! Что! Вы считаете меня за мелочного человека! Сами вы негодяи!» Жена и горничные выбежали из столовой и заперлись на кухне. А Пушкиов взял папку с делами, надел белую фуражку и скромно пошел на службу. Во дворе он встретил старуху с часами и, не поздоровавшись с ней, побежал за трамваем, отгоняя папкой попадающих под ноги детей.

Даня лежит на кушетке и пытается заснуть. С улицы слышен противный крик мальчишек. «Надо выдумать им казнь» - шепчет Даня. «Лучше всего напустить на них столбняк...» Сразу же наступает гробовая тишина. Он подходит к окну, чтобы понять в чем дело. Дети валяются на земле и не могут пошевелиться. Родители растаскивают их по домам как бревна. Из окна напротив высунулась старуха, но от чрезмерного любопытства она вывалилась из окна и грохнулась об землю. Высунулась вторая и стала смотреть на упавшую, но от чрезмерного любопытства тоже вывалилась и упала прямо на первую. Потом из окна вывалилась третья старуха, затем четвертая. И вдруг, они тут же встали, отряхнулись и пошли помогать растаскивать детей.

«Боже мой! Ведь я еще не выключил электрической печки!» - воскликнул Даня и бросился её выключать, протянул руку...

...рука дотягивается и дергает за шнур трамвайного звонка. Шел трамвай 10-й номер. На платформе те же музыканты. В вагоне много народу и вошедший туда Пушкив. В окнах проплывает Биржевой мост, Нева и сундук. Трамвай останавливается, все падают вперед и хором произносят: «Сукин сын!»

Пушков: «Продвиньтесь, пожалуйста!» Все стоят молча и неподвижно. «Пройдите вперед, впереди свободно!»- кричит кондукторша. Впереди стоящий пассажир, басом: «А куда тут продвинешься, что ли на тот свет?»
Пушков: «Разрешите пройти». Стоящие пассажиры лезут на колени сидящим и Пушкив проходит по свободному трамваю до середины, где и останавливается. Остальные занимают прежнее положение. Пушкив достает деньги и просит передать кондукторше. Чуть только Пушкив вышел из трамвая, Тимофей выскочил из окошка на крышу и напугал всех, кто проходил по улице. Крестьянин Харитон остановился, поднял камень и пустил им в Тимофея. Тимофей куда-то исчез. Один из музыкантов крикнул глуховатому трубачу: «И закричало человеческое стадо: «Ну и ловкач!» - закричала толпа хором . И некто Зубов разбежался и со всего маху двинулся головой о трамвай. «Эх!»- вскрикнула баба с флюсом. Но Комаров сделал этой бабе тепель-тапель, и баба с воем убежала в подворотню. Мимо шел Ракукин и посмеивался. К нему подошел Пакин и сказал: «Эй ты, сало!» и ударил его по животу. Ракукин прислонился к стене и начал икать. Пакин плевался сверху из окна, стараясь попасть в Ракукина. Тут же невдалеке носатая баба била корытом своего ребенка. А молодая, толстенная мать терла хорошенькую девочку лицом о кирпичную стену. Маленькая собачка, сломав ножку, валялась на панели. Маленький мальчик ел из плевательницы какую-то гадость. У бакалейного магазина стояла длинная очередь. Бабы громко ругались и толкали друг друга кошелками. Крестьянин Харитон, напившись денатурату, стоял перед бабами с расстегнутыми штанами и произносил нехорошие слова.

«Таким образом начинался очень хороший летний день».

2 СЕРИЯ

Питерский университет. Пушкин на кафедре: «Женщина, это станок любви»- и тут же получил по морде. «За что?» - спросил Пушкин и продолжил: «Я думаю так: к женщине надо подкатываться снизу. Женщины это любят, и только делают вид, что они этого не любят». Тут Пушкина опять стукнули по морде. «Да что же это такое, товарищи! Я тогда и говорить не буду!.. Женщина устроена так, что она вся мягкая и влажная». Тут Пушкина опять стукнули по морде, но он продолжил: «Если женщину понюхать...» Но тут Пушкина так сильно трахнули по морде, что он сказал: «Товарищи, в таких условиях совершенно невозможно провести лекцию. Если это будет еще повторяться, я замолчу... На чем мы остановились? Ах да! Так вот: женщина любит смотреть на себя. Она садится перед зеркалом совершенно голая...» И опять получил по морде. «Голая»-повторил Пушкин. «Трах!» «Голая!» «Трах!» «Голая! Женщина голая! Голая баба!» «Трах! Трах! Трах!» «Голая баба с ковшом в руках!» «Трах! Трах!» «Бабий хвост! Голая монашка!» Но тут Пушкина ударили с такой силой, что он потерял сознание и как подкошенный рухнул на пол. Все студенточки при этом начали раздеваться.

День. Коммуналка. Побитый Пушкин: «Эх, выпьем! Эх! Гуляй-ходи! Эх! Эх! Эх!» Жена (Пушкину): «Да что с вами, Евгений Эдуардович?» «Эх! Пить хочу! Эх, гуляй-ходи!» «Постойте, Евгений Эдуардович, вы успокойтесь. Хотите я чай поставлю?» «Чай? Нет. Я водку хлестать хочу» «Евгений Эдуардович, милый, да что с вами? Я вас узнать не могу» «Ну и неча узнавать! Гони мадам водку!» «Господи, да что ж это такое? Даня! Даня!» Даня, лежа на полу в прихожей: «Ну? Чего там ещё?» «Да что же мне делать? Что же это такое?» Пушкин: «Эх, гуляй-ходи!» Пьет водку и выбрасывает её фонтаном через нос. Жена: «Заступница пресвятая! Мать, пресвятая Богородица!» Даня: «Эй, ты там, слова молитв путаешь» Пушкин (разбивая бутылкой стеклянную дверцу шкапа): «Эх, гуляй-ходи!»

Даня, лёжа на полу: «Да, сегодня я видел сон о собаке. Она лизала камень, а потом побежала к реке и стала смотреть в воду. Она там видела что-нибудь? Зачем она смотрит в воду?» Закуривает папиросу. «Осталось ещё только две. Я выкурю их и больше у меня нет. И денег нет. Где я буду сегодня обедать? Утром я могу выпить чай: у меня есть ещё сахар и булка. Но папирос уже не будет. Надо скорее вставать. Уже половина третьего» Встает. Идет по длинному коридору к двери, открывает и видит за дверью Старуху с часами. «Вот я и пришла» - говорит она. «Закрой дверь и запри её на ключ. Снова ложись на живот и уткнись лицом в пол» Даня тотчас исполнил приказание, а старуха проходит в его комнату и усаживается в его кресло возле окна. В коридоре вокруг него –

соседи и дворник. Жена Пушкиова: «Эй, Даня, вставай!» Даня; «Не встану» Подошел дворник и сказал: «Если ты не встанешь, я тебя заставлю встать» «Нет» - говорит Даня. Полуголая горничная Наташа и вторая, как цветок, хором: «Вы вечно валяетесь на полу в коридоре и мешаете нам ходить взад и вперед» «Мешал и буду мешать» - говорит Даня. Горничные: «Ну, знаете...» Дворник: «Да чего тут долго разговаривать! Звоните в милицию»...
...Милиционерша и все остальные склонились над Даней. Милиционерша: «Чего у вас тут?» «Полюбуйтесь» - говорит жена Пушкиова. Горничные: «Вот. Этот гражданин все время лежит тут на полу и мешает нам ходить по коридору. Мы его и так и этак...» Милиционерша: «Здесь, гражданин, отдыхать не годится, Вы где, гражданин, живете? Дворник: «Тут» Милиционерша: «Это не годится. Надо, чтобы все на своей жилплощади лежали»...
...Даня оказывается в своей комнате у ног сидящей в кресле старухи. Старуха: «Теперь ты должен встать на колени» Даня повинуется.

День. Столовая. Горничная Наташа. Музыканты в углу. Пушкиов за обеденным столом весь в синяках. Напротив – жена. Жена: «Ну вот, Фадей Иванович все дожди идут». Пушкиов: «Да не говорите Елена Ивановна, покосы гибнут». «Хорошо нам под крышей сидеть, а вот каково если кто в поле? А?». «Плохо бездомному страннику». «Вам еще чаю попить?» «Плесни еще полстаканчика». Пушкиов попил чая и задремал. «И Ольга чего-то не пишет». Пушкиов бормочет. «Не пишет и не пишет». «Как не пишет?» «Ольга, говорю, не пишет». «То есть как Ольга?» «Да Ольга, что, ты не знаешь?» «Ах, Ольга! Ну и что же она?» «Да вот, не пишет, говорю». «Ай ай ай». (музыка останавливается) Ракукин (проходя) «А Сергей сделал Ольге предложение». (уходит) Жена: «Сергей, да что он? А она? (Пушкову) Слышал?» «Что?» «Сергей! Предложение!» «Ну а он?» «Ольге!» «Что не пишет?» «Вступить в брак» «Ай ай ай» «Какая пертурбация!» Первый: «Коля продавил металлический диван. Вот». Жена: «Постой, постой, как же это?» Пушкиов: «Ужасно, ужасно, какая катастрофа они продавили металлический диван!» «Вот доверь металлический диван, так тотчас и продавить наровят». Ракукин: «А Коля во вторник съел дом». Жена: «Ну, так и есть. Он». (все описанное иллюстрируется: диван, дом и т д).

Дурно убранная комната. Пакин просыпается. Грязная белая майка. «Петухи давно пропели. Почему я так поздно проснулся? Никогда со мной этого не бывало. Но что это с моей головой? Она болит ужасно. Пил я вчера? Нет не пил. Почему же болит голова? Так ни с того ни с сего? Никогда этого со мной не бывало. Попробую скорее встать и умыться. Приятно освежить голову холодной водой. Надо разбудить Пелагею, а то она думает, что я еще сплю. Ведь надо же было проснуться в «этакую рань»! Эй Пелагея! (стучит в стену) Пелагея! Чертова баба! Дрыхнет бестолку. Нет возьму что-нибудь тяжелое, сапог что ли, и буду колотить в стену пока не проснется. Черт возьми! Где же сапоги? Как же это понять? Ха ха ха. Пришел, снял их, поставил их тут, а теперь их нет. Ого!

Штаны тоже того! Так так так. Да что я в самом деле! Огурел что ли? Никогда со мной этого не бывало! Ну ладно, оставим это в покое. Давай мыслить. У меня болит голова. Значит я очень поздно встал. То есть у меня болит голова, значит я вчера что-то делал. Нет. Я очень поздно встал. У меня болит голова. Значит я потерял сапоги? Глупо!. Я потерял сапоги – значит у меня болит голова? Тоже глупо! Ну хорошо: у меня болит голова, значит я сапоги не потерял. Но ведь я же их потерял! Может так: у меня болит голова – значит я сапоги и не то и не это. Хм... Сложная штука».

Даня: «Послушайте-ка, какое право имеете вы распоряжаться в моей комнате, да ещё командовать мной? Я вовсе не хочу стоять на коленях!» Старуха не движется. Он нагибается и заглядывает старухе в лицо. Рот у неё приоткрыт и изо рта торчит соскочившая вставная челюсть. «Зачем она умерла в моей комнате? Я терпеть не могу покойников. А теперь возись с этой падалью...» Даня с ненавистью посмотрел на старуху, кинулся к старому шкафу, вытащил оттуда большой чемодан...

...Стук в дверь. Пакин у двери мутно: «Кто там?» Ракукин: «Да я, это я» «Кто? Петька?» «Нуда да, открой скорее!» «Сейчас, сейчас. Подожди немного» «Скорей, скорей, такое расскажу, что ахнешь! Черт подери! Такие вещи знаю... (входя) Ты спишь ещё?» «А час какой, много?» «Ссс... много? К черту время! Ты дурак знаешь...» «Что?.. Ну.. Что?.. Ну?» «Что ну?! Выиграл 200 000! Одевайся, да бежим в банк» «Мне не во что одеться...» «Как не во что одеться?» «Я вчера пришел, положил все на стул и нет ничего» «А где же?» «Я не знаю» «Вот, черт возьми, выиграл 200 000! Ну идем скорей!» «Да во что же я оденусь?» «Так пойдешь!» «Так нехорошо!» «Ну мой костюм одевай!» «А ты в чем же?» «А я в твоём пальто пойду!» «Тогда уж лучше мне в пальто идти!» «Все равно! Иди ты в твоём пальто» «А ты в своём костюме пойдешь?» «А я в своём костюме» Выходят из странного подъезда на улицу. Идут среди не обращающих на них внимания прохожих.

3 СЕРИЯ

Двор того же дома. День. Под деревом, на котором сидят музыканты и играют. Даня. Он небрит. Проходит очаровательная девушка. Он: «Простите, как Вас зовут?» «Наташа». «Ах, вот оно что... Вы не хотели бы поесть со мною котлет. Я приготовил». Она: «Я Вас совсем не знаю. А впрочем...» Они поднимаются по старой лестнице. Входят в коммуналку. Он проводит ее в свою комнату, а сам бежит на общую кухню разогреть котлеты на грязной плите. Девушка с интересом осматривает комнату незнакомца. Стол. Перо. Чернильница. Из окна она видит, как один за другим с дерева падают музыканты. Дворник подметает. Дверь открывается. На пороге Даня. На губах и вокруг рта – жир. «Извините. Я съел все котлеты» Девушка улыбнулась и странно посмотрела на большой чемодан у шкафа.

Быстро сменяется петербургский день белой ночью.

Дворник метет в пустом дворе. Музыканты подпрыгивают, чтобы не мешать метле, но при этом продолжают играть.

Белая ночь. По улицам идет трамвай. Звучит музыка. На открытой платформе дремлют музыканты. В вагоне только спящая кондукторша и Пакин с Ракукиным. Молчат. Пакин вдруг: «Ну ты, не очень то фрякай. Чего глядишь? Не узнал?.. Вот дурак! Хорошо бы его по затылку палкой хлопнуть». Тот вскочил. «Постой! Куда помчался? Лучше сядь, и я тебе покажу кое-что. Что, не веришь?» «Верю». «Тогда садись вот сюда... Ну вот, чего сидишь как дурак?». Тот подвигал ногами и быстро замигал глазами. «Не мигай. Сиди прямо... Эх, так бы и шлепнул тебя по подрывнику!». Тот икнул, надул щеки и осторожно выпустил воздух через ноздри. «Ну ты не фрякай! Если ты сейчас не перестанешь мигать, я тебя ударю ногой по грудям... Фу, какой мерзостный у тебя вид. Морда как у курицы, шея синяя, просто гадость!». Тут голова слушающего свалилась на спину. «Что за черт! Это что еще за фокус? Эй, Эй! Так, подох. Подох». Вдруг из тела умершего вылезла маленькая душа и злобно посмотрела на врага. Но тут кондукторша превратилась в ангела смерти и, взяв за руку маленькую душу, повела ее куда то, прямо сквозь стенку вагона и сквозь дома.

Хорошо обставленная комната в отдельной квартире того же странного подъезда. Пушкив: «У Вас очень красивые чулки». Ирина Мазер: «Вам нравятся мои чулки?». «О, да. Очень». И схватился за них рукою. Ирина: «Они очень гладкие». Она подняла свою юбку. «А видите, какие они высокие?» «О, да да!» «Но вот тут они уже кончаются. Тут уже идет голая нога». «Ой, какая нога!» «У меня очень толстые ноги, а в бедрах я очень

широкая». «Покажите!» «Нельзя! Я без панталон». Пушкив опустился перед ней на колени. «Зачем Вы встали на колени?» Пушкив поцеловал ее ногу чуть повыше чулка и сказал: «Вот зачем». «Зачем Вы поднимаете мою юбку еще выше? Я же Вам сказала, что я без панталон». Но Пушкив все-таки поднял ее юбку и сказал: «Ничего, ничего». Ирина внезапно одергивает юбку и начинает метаться по комнате: «Сейчас того и гляди откроется дверь, и они войдут... Они обязательно войдут, чтобы поймать меня и стереть с лица земли. (тихо) Что я наделала! Что я наделала! Если б я только знала... Бежать? Но куда бежать? Эта дверь ведёт на лестницу, а на лестнице я встречу их. В окно? У-У-у! Высоко... М не не прыгнуть. Ну, что же мне делать? Э, чьи то шаги. Это они. Запру дверь и не открою. Пусть стучат, сколько хотят.» Запирает большую входную дверь. Пушкив, стоя на коленях, тупо наблюдал за ней. Лифт. Лестница. Дверь. Двое. Пакин: «Елизавета Бам, откройте!.. Елизавета Бам, откройте!» Ракукин: «Ну, что там она, дверь не открывает?» «Откроет. Елизавета Бам, откройте!» Ирина садится на кровать и затыкает уши. Пакин: «Елизавета Бам, я вам приказываю немедленно же открыть» Ракукин(тихо): «Вы скажите ей, что иначе мы сломаем дверь. Дайте-ка я попробую» Пакин: «Мы сломаем дверь, если вы сейчас не откроете» «Может, её здесь нету» «Здесь. Где же ей быть? Здесь только одна дверь, куда же ей деться. Елизавета Бам, говорю вам в последний раз, откройте дверь. Ломай.» Дверь открывается. За ней Ирина. Пакин: «Елизавета Бам?» Ирина: «Нет. Ирина Мазер» Пакин: «Неважно. Пройдёмте» В комнату вошел высокий человек в черном пальто и в высоких сапогах. За ним двое военных, музыканты с инструментами и дворник. За окном у большого черного велосипеда на темном асфальте сидит маленькая девочка. Пакин равнодушно Пушкиву, который стоит и смотрит в окно: «Ваша фамилия?» «Моя фамилия Пушкив» «У Вас оружие есть?» «Нет» «Сядьте сюда» Ирина: «Зачем?.. Мне нужно переодеться». «Нет» «Но мне нужно еще кое-что на себя надеть» «Нет» Ирина молча надела шубку и сказала Пушкиву: «Прощайте» Пакин: «Разговоры запрещены!» Пушкив; «А мне тоже с вами ехать?» «Да» Пушкив снял с вешалки свое пальто и шляпу, оделся и сказал: «Ну, я готов!» Пакин в черном пальто запер дверь и запечатал ее двумя бурыми печатями. «Дашь на улицу» - сказал он. Гулкий, старый подъезд. Скрипач пытается играть на ходу. У него не получается. Ирина под конвоем на лестнице: «Вяжите меня! Тащите за косу! Продевайте сквозь корыто! Я никого не убивала! Я не могу убивать никого!» Пакин: «Ирина Мазер, спокойно!» Ракукин: «Смотрите вдаль перед собой.» (громко икает)

Вся процессия проходит мимо двери с множеством звонков, над одним из них – медная табличка с надписью по немецки: «Звонить три раза». Это звонок в комнату Дани. В эту минуту он открывает дверь и застывает на пороге с тяжелым чемоданом в руках, увидев на площадке процессию. Ракукин (добродушно): «Вам помочь?»

Даня молчит растерянно. Ракукин: «Давайте, давайте!», берет чемодан. «Ух, ты! Что там у Вас? Кирпичи?»

Даня: «Книжки» «А ты никак писако?» - ухмыляется Пакин и все продолжают движение.

Ирина Мазер: «А в домике, который на горе, уже горит огонек. Мыши усиками шевелят, шевелят. А на печке Таракан Тараканович, в рубаше с рыжим воротом и с топором в руках сидит» И вся процессия под звуки марша вышла из странного подъезда на улицу, громко хлопнув наружной дверью. Во дворе Даня вынужден пройти вместе со всеми до «черного ворона», где его с чемоданом и музыкантов оставляют Пакин и Ракукин с арестованными и уезжают.

На асфальте сидела маленькая девочка, держала в руках червяка и громко плакала. «О чем ты плачешь?» - спросил Даня. «Я не плачу, а пою». «А зачем же ты так поешь?» «Чтобы червяку весело было. А зовут меня Наташа» «Ах вот как?» «Да, вот как. До свидания». Девочка вскочила на большой велосипед и уехала. Даня: «Такая маленькая, а уже на велосипеде катается». Девочка отъезжает. Даня с чемоданом и с музыкантами все отдаляются. Во дворе играют вечернюю музыку. Девочка долго едет по улицам Петрограда и смотрит вдаль перед собой.

Отдельная комната семьи Бам в той же коммуналке. Федя Давидович долго подкрадывался к масленке и наконец, улучив момент, когда жена нагнулась, чтобы состричь на ноге ноготь, быстро, одним движением вынул пальцем из масленки все масло и сунул его себе в рот. Закрывая масленку, Федя нечаянно звякнул крышкой. Жена сейчас же выпрямилась и, увидя пустую масленку, указала на нее ножницами и строго сказала: «Масла в масленке нет. Где оно?» Федя сделал удивленные глаза и, вытянув шею, заглянул в масленку. «Это масло у тебя во рту» - сказала жена, показывая ножницами на Федю. Федя отрицательно замотал головой. «Ага» - сказала жена, - «ты молчишь и мотаешь головой, потому что у тебя рот набит маслом» Федя вытарашил глаза и замахал на жену руками, как бы говоря: «Что ты, что ты, ничего подобного!» Но жена сказала: «Ты врешь, открой рот» «М-м» - сказал Федя. «Открой рот!» Федя растопырил пальцы и замычал, как бы говоря: «Ах да, совсем было забыл; сейчас приду», и встал, собираясь выйти из комнаты. «Стой!» - крикнула жена. Но Федя прибавил шаг и скрылся за дверью. Жена кинулась за ним, но около двери остановилась, так как была голой и в таком виде не могла выйти в коридор, где ходили другие жильцы этой квартиры. «Ушел, - сказала жена, садясь на диван, - вот черт!»

Из-за двери показывается голова Елизаветы Бам: «А ты, мама, не пойдешь разве гулять?» «А тебе хочется?» «Страшно!» «Нет, не пойду» «Пойдем, ну-у-у» «Ну, пойдем, пойдем» Уходят.

А Федя, дойдя по коридору до двери, на которой висела надпись: «Вход категорически воспрещен» - открыл эту дверь и вошел в комнату. *(описание комнаты)* Человек одетый в длинный и рваный коричневый сюртук и в черные нанковые штаны, из которых торчали чисто вымытые босые ноги, лежал на кушетке и пристально смотрел на вошедшего. Федя поклонился, шаркнул ножкой и, вынув пальцем изо рта масло, показал его лежащему человеку. «Полтора», - сказал хозяин комнаты. «Маловато» - сказал Федя. «Хватит» - сказал хозяин комнаты. «Ну ладно» - сказал Федя и, сняв масло с пальца, положил его на полку. «За деньгами придешь завтра утром» - сказал хозяин. «Ой, что вы! - вскричал Федя, - мне ведь их сейчас нужно. И ведь полтора рубля всего...» «Пошел вон» - сухо сказал хозяин, и Федя на цыпочках выбежал из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Последний трамвай. Дремлющие музыканты. Спящая кондукторша. Усталый вагоновожатый. Шум трамвайных колес. Кондукторша громко икает. В конце вагона – Даня с чемоданом. Кондукторша, дернув за шнур звонка: «Конечная!» Даня с большим трудом выходит из вагона.

Лесок у последней трамвайной остановки. В нем – Даня с чемоданом. По земле ползет большая зеленая гусеница. Даня опускается на колени и трогает её пальцами. Она сильно и жилисто складывается несколько раз в одну и другую сторону. Даня оглядывается. Никого. Он низко склоняет голову и негромко говорит: «Во имя Отца и Сына И Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь»...

...Белая ночь в разгаре. Музыка.

4 СЕРИЯ

Белая ночь. Тишина. Скрип. Дыхание. Даня и неизвестная Наташа занимаются любовью. Плохо, но со вкусом обставленная комната в коммуналке. Натюрморт. Железная, скрипучая кровать. Полумрак. Разбросанная на паркетном стертом полу одежда. В пепельнице дымится смятая папироса. Бумага, перо, чернильница и т.д. Крупно лицо Наташи. На лице счастье.

Они лежали на кровати. Она к стенке на горке лежала, Даня к столику лежал. Даня: «Торчат уши. Она знает. Она знает все. Вилка это? Или ангел? Или сто рублей? Наташа это. Вилка мала. Ангел высок. Деньги давно кончились. А Наташа – это она. Она одна Наташа. Было шесть Наташ и она одна из них». Подошла собака в маленькой шапочке. Шаги раздавались и купались. Давайте посмотрим в окно. В окне – сон:

Под колоннами Исакия, пошатываясь, идут два белогвардейских офицера (они же Пакин и Ракукин) и поют: «Коммунистам и татарам скоро крах. Англичане ведь не даром на парах» Пляшут, раскидывая ноги. На пути стоит стол. 1 офицер: «Что это?» 2 офицер: «По моему это стол» «Но он несётся как покойник» «Да это призрак современный летит в пивную. Вон и стул. А вот и Пьяница и дама и мы с тобой и вся земля! Бежим на улицу, посмотрим, бутылку выпьем и назад» Стол: «Мне хлаблости недостаточно. Одной» Пьяница: «Врёшь врешь врешь. Это ты врешь» Стол: «Потому что ни для циво не употлеблён» Дама: «Фу какие глупости говорите» Пьяница: «Это ему наше поведение не нравиться» Дама: «Сашка, мерзавец! Не хватай меня..!» Пьяница: «Подожди подожди...» Дама: «Нельзя, не хочу» Отбивается. Пьяница целует её и валит на мокрый асфальт. 2 офицер: «Поцелуемся и мы!» 1 офицер: «А! Валяй!» Целуются. 2 офицер: «Какая чудная погода!» 1 офицер: «Немножечко пресна» «Но это лучшее время года: петербургская весна» «Давай поцелуемся» «Давай» Целуются. Даня едет на велосипеде. 2 офицер: «Гражданин! Вы что-то уронили» Даня останавливается и слезает. 2 офицер: «С первым апрелем!» Даня: «Как?» 1 офицер: «Ну мы просто пошутили!» 2 офицер: «Первого апреля это так и полагается» Молчание. «Мы с вами пошутили» Молчание «Потому что когда хорошая погода... Первое апреля... Он вам крикнул...» Даня молча уходит с велосипедом. «Видел?» «Видел. Дело дрянь. Он понял кто мы такие» «Да, мы опасные люди (шёпотом) мы опасные люди (с возвышения) мы опасные люди!» «Я уверен что мы опасные люди» Идет Николай 2 с портфелем. 2 офицер: «Здравствуйте Николай Александрович» Николай: «Доброе утро. Что нового?» 1 офицер: «Плохи дела! Здравствуйте» «Доброе утро. Что же случилось?» 2 офицер: «Вы знаете какие мы с вами опасные люди. Большевики это прекрасно знают. Сейчас мы видели Даню, он явно

следит за нами.» 1: «Ещё бы! Народ на нашей стороне» Николай: «Армия тоже. Я видел на днях как солдаты заметив меня шли опустив голову и кидая из-подлобья такие взгляды на своих командиров, что я всё понял. Скажи я слово и они как один умрут за освобождение отечества» 2 офицер: «Но нас могут выследить и самым спокойным образом убить» Николай: «Ничего...» 1 офицер: «Дай-то Бог. Недолго и осталось. Я слышал Николай Николаевич готовит 100 тысячное войско, вооруженное такими газами от которых помрут только коммунисты» Николай: «Да это правда...» Закуривают и уходят. Вдалеке: «Николай Александрович,- а скоро это всё-таки случится?»... *состояние Пушкива*

...Набережная, окно старого дома. За окном три предмета: графин, болид и в синем галстуке Пушкив. Графин: «Господа же, посмотрим в мемецкую землю» Пушкив: «Где?» Пианист от клавиатуры: «Рухнул болид» Графин: «На том шаре, который виден в трубу. Этот шар есть земля» Пушкив: «Я житель земли» Болид: «Я житель пространства» Графин: «А я житель рая.... О Че! О Чело! О Челоче! Скажи мне как у вас живут? Что делают?» «Я человек с Земли. Вы это все знаете. Я не мемец. Я сосед мемецев я русский. Меня зовут Пушкив. Хотите я вам всё расскажу?» Из воды вышли три мужика и крикнули, топнув ногами: «ПОЖАЛУЙСТА!» Пушкив: «Вот я прихожу в кооператив и говорю: дайте мне вот ту баночку с кильками. А мне говорят: килек нет, это пустые банки. Я им говорю: Да что же это вы головы морочите. А они мне отвечают: Это не от нас. А от кого же? Это от недостатка продуктов, потому что весь парнокопытный скот угнали киргизы. А овощи есть? спросил я. Нет и овощей. Раскупили». (рассказ Пушкива иллюстрируется отснятой «немой» сценой в кооперативе.

Сражение двух богатырей (рыцарский турнир, на трибунах все действующие лица и музыканты). Пригород Петрограда. Сосны. Берег финского залива. Конные рыцари в доспехах: Отец Елизаветы Бам и Пакин. Ракукин – секундант. Елизавета Бам сидит на большом камне на берегу. (*диалог не приводится*) В результате побеждает Отец. Ракукин арестовывает Елизавету Бам...

...все возвращаются в Питер на трамвае. Пианист громко говорит глуховатому трубачу: «Я не верю в загробную жизнь. Реальных доказательств того, что загробная жизнь существует – не имеется. Меня несколько не интересуют рассказы подобные тому, как один человек увидел во сне льва и на другой день был убит вырвавшимся из Зоологического сада львом. Меня интересует только вопрос: есть ли загробная жизнь, или ее нет? Скажите, как по вашему?» Трубач негромко говорит: «Отвечу вам так: на ваш вопрос вы никогда не получите ответа, а если получите когда-нибудь ответ, то не верьте ему. Только вы сами сможете ответить на этот вопрос. Если вы ответите да, то будет да, если вы ответите нет, то будет нет. Только ответить надо с полным убеждением, без тени сомнения, или, точнее говоря, с абсолютной верой в свой ответ» Пианист: «Я бы охотно

ответил себе. Но ответить надо с верой. А чтобы ответить с верой, надо быть уверенным в истинности своего ответа. А где мне взять эту уверенность?» Трубоч: « Уверенность, или точнее, веру нельзя приобрести, ее можно только развить в себе» Пианист: «Как же я могу развить в себе веру в свой ответ, когда я даже не знаю, что ответить, да или нет» Трубоч: «Выберите себе то, что вам больше нравится» Пианист: «Сейчас будет наша остановка» Все встали со своих мест, чтобы идти к выходу. Пакин: «Простите. Я слышал ваш разговор и меня, извините, заинтересовало: как это могут два ещё молодых человека серьезно говорить о том, есть ли загробная жизнь, или её нет?»

Больница. Белая ночь на исходе. На кровати - Даня. На стуле, закрыв лицо руками, сидит неизвестная Наташа. Врач (он же Николай 2) стоит возле ночного столика. Почти все персонажи здесь, включая музыкантов, дворника с метлой и т.д. Даня: «Да, сегодня я видел сон о собаке. Она лизала камень, а потом побежала к реке и стала смотреть в воду. Она там видела что-нибудь? Зачем она смотрит в воду?». Даня закурил. «Я выкурю их и больше у меня нет. И денег нет». В комнату заглянул кот. Врач ударил кота сапогом по морде. Даня: «Лодки плывут». Врач(склоняясь): «Что с вами , мой дорогой друг?.. Хорошо. Вы не желаете отвечать вашему другу. Хорошо». «Дайте лодку». Пушкин у окна хихикнул. Музыканты в палате заиграли. Даня: «Доктор, скажите мне откровенно: я умираю?» «Видите ли, я бы не хотел отвечать на Ваш вопрос. Я даже не имею права отвечать на него» «То, что Вы сказали, вполне достаточно. Теперь я знаю, что надежд нет» «Ну уж это ваша фантазия. Я Вам про надежды не сказал ни слова». «Доктор, Вы меня считаете за дурака. Но уверяю Вас, что я не так глуп и прекрасно понимаю свое положение». «Ваше положение таково, что понять его невозможно...». За окном на поверхности Невы танцует неизвестная Наташа. Музыка (уже в исполнении симфонического оркестра). Пакин и Ракукин видят за трамвайным окном танцующую Наташу. Титры.

Р. С. Приводим стихи Дани НЕИЗВЕСТНОЙ НАТАШЕ

*Скрепив очки простой веревкой, седой старик читает книгу.
Горит свеча, и мгlistый воздух в страницах ветром шелестит.
Старик, вздыхая, гладит волос и хлеба черствую ковригу
Грызет зубов былых остатком, и громко челюстью хрустит.*

*Уже заря снимает звезды и фонари на Невском тушит,
Уже кондукторша в трамвае бранится с пьяным в пятый раз,
Уже проснулся неvский кашель и старика за горло душит,
А я пишу стихи Наташе и не смыкаю светлых глаз.*